

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Том 28, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Vol. 28, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2023

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023 Том 28, № 4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Казанцева О. А.* Сандиякское городище — памятник раннего Средневековья бассейна Камы7
- Захаров С. В.* Каменный жезл с человеческой личиной из погребения в курганный группе Майское V27
- Серегин Н. Н., Матренин С. С.* Социальная планиграфия некрополя предтюркского времени Чобурак-I (Северный Алтай).....44

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Бичеев Б. А., Тюмидова М. Е.* Ойратский текст «Руководство к практике Прибежища» (психотехника визуализации объектов поклонения)59
- Кубаев С. Ш.* Появление и развитие отопительных систем на территории Узбекистана73
- Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А.* «Держатель силы». Мухомор в чукотской культуре84
- Аюпов Т. М.* Генеалогические предания — ценный источник изучения кыргызско-башкирских историко-культурных связей 110

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Головнев Г. А.* Амбивалентное отношение к «внешнему» миру нового религиозного движения «Свидетели Иеговы»122
- Набиев Р. А., Ибрагимов М. И.* Понятие блага в авраамических религиях в контексте социального служения134
- Слезин А. А.* Внедрение новых обрядов в русской деревне 1920-х гг. как фактор эволюции взаимоотношений крестьянских поколений147

ДЛЯ АВТОРОВ163

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2023 Vol. 28, №4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

Kazantseva O. A. Sandiyak hillfort is a monument of the early middle ages of the Kama basin.....	7
Zakharov S. V. Stone rod with a human mask from a burial in the Mayskoye V burial mound group	27
Seregin N. N., Matrenin S. S. Social planigraphy of the preturkic period necropolis of Choburak-I (Northern Altai).....	44

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Bicheev B. A., Tyumidova M. E.</i> The oirat text, “A guide to refuge practice” (psychotechnic technique of visualization of objects of worship)	59
<i>Kubaev S. Sh.</i> Emergence and development of heating systems on the territory of Uzbekistan	73
<i>Ozheredov Y. I., Yarzutkina A. A.</i> ‘Holder of strength’. Muskrat in Chukotka culture.....	84
<i>Ayupov T. M.</i> Genealogical legends are a valuable source for studying the historical and cultural ties of Kyrgyz-Bashkir	110

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Golovnev G. A.</i> Ambivalent attitude to ‘the world’ in the organization Jehovah’s Witnesses	122
<i>Nabiev R. A., Ibragimov M. I.</i> The concept of good in abrahamic religions in the context of social service.....	134
<i>Slezin A. A.</i> Introducing new rituals in the Russian village of the 1920s as a factor in the evolution of the relationship between peasant generations.....	147
FOR AUTHORS	163

УДК: 94 (47).084.3/.5:27–1
DOI 10.14258/nreur(2023)4–10

А. А. Слезин

Тамбовский государственный технический университет, Тамбов (Россия)

ВНЕДРЕНИЕ НОВЫХ ОБРЯДОВ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ 1920-Х ГГ. КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КРЕСТЬЯНСКИХ ПОКОЛЕНИЙ

В статье на основе архивных документов и публикаций 1920-х гг., многие из которых долгое время находились на специальном хранении, рассматриваются изменения обрядовой культуры в деревне времени нэпа и их влияние на взаимоотношения крестьянских поколений. Главное внимание уделено разнице в восприятии новых обрядов «детьми революции» (их детство и юность пришлось на первое советское пятидесятилетие) и крестьян «революционного перелома» (большинство из них родились в 1890-е гг.). Борьба с религией, ставшая с начала 1920-х гг. одним из приоритетных направлений в деятельности комсомола, рассматривалась коммунистическими идеологами в том числе и как метод преодоления культурной отсталости масс. В связи с этим ее составной частью провозгласили борьбу с «пережитками прошлого» в быту, которая включала в себя замену старых обрядов новыми. В первую очередь обращается внимание на инновационные подходы к обрядам, связанным с рождением детей, браками, похоронами. Автор пришел к выводу, что внедрение новой обрядности не отличалось на селе крайней конфликтностью, тем не менее существенно повлияло на осложнение взаимоотношений крестьянских поколений.

Ключевые слова: поколения, революционный перелом, религия, обряды, крестьянство, молодежь, похороны, брак, свадьба, октябрины, имянаречение.

Цитирование статьи:

Слезин А. А. Внедрение новых обрядов в русской деревне 1920-х гг. как фактор эволюции взаимоотношений крестьянских поколений // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 4. С. 147–162. DOI: 10.14258/nreur(2023)4–10.

A. A. Slezin

Tambov State Technical University, Tambov (Russia)

INTRODUCING NEW RITUALS IN THE RUSSIAN VILLAGE OF THE 1920S AS A FACTOR IN THE EVOLUTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PEASANT GENERATIONS

The article examines the changes in the ritual culture of the NEP village and their influence on the relationship between peasant generations based on archival documents and publications of the 1920s, many of which have been in special storage for a long time. The main attention is paid to the difference in the perception of the new rituals by the “children of the revolution” (their childhood and youth occurred on the first anniversary of the 15th Soviet century) and peasants of the “revolutionary turning point” (most of them were born in the 1890s). The fight against religion, which became one of the priorities in the Komsomol activities since the early 1920s, was considered by communist ideologists as a method of overcoming cultural backwardness of the masses. In this sense, the fight against the “remnants of the past” in everyday life, which included the replacement of old rituals with new ones, was proclaimed an integral part of this ideology. First, attention is drawn to innovative approaches to rituals associated with the birth of children, marriages, and funerals. The author came to the conclusion that the introduction of new rituals in the village did not lead to extreme conflicts; however, it significantly affected the complication of relationship between peasant generations.

Keywords: generations, revolutionary change, religion, rituals, peasantry, youth, funerals, marriage, wedding, Oktyabris, naming.

For citation:

Slezin A. A. Introducing new rituals in the russian village of the 1920s as a factor in the evolution of the relationship between peasant generations. *Nations and religions of Eurasia*. 2023. Vol. 28. No 4. P. 147–162. DOI: 10.14258/nreur(2023)4–10.

Слезин Анатолий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Тамбовского государственного технического университета, Тамбов (Россия). **Адрес для контактов:** anatoly.slezin@yandex.ru.

Slezin Anatoly Anatolyevich, Doctor of History, Professor, Chief Researcher, Tambov State Technical University, Tambov (Russia). **Contact address:** anatoly.slezin@yandex.ru. Orcid.org/0000-0002-9559-7553.

Введение

Солидаризируясь с позицией тех авторов, которые рассматривают исторический процесс прежде всего как историю смены поколений, автор данной статьи пытается внести свой вклад в изучение взаимоотношений крестьян поколения «револю-

ционного перелома» с активными представителями младшего поколения («детей революции»).

Предложивший понятие «революционный перелом» Ю. А. Левада подразумевает под ним исторический период («условно») 1905–1930 гг. С его позиции, активные участники (и жертвы) «перелома» родились «примерно» в 90-х гг. XIX в. [Левада, 2001]. Учитывая слово «примерно» в определении Ю. А. Левады, многие современные исследователи допускают расширение указанных хронологических границ «рождения поколения» [Безгин, Якимов, 2022; Вязинкин, 2022; Ипполитов, 2023]. Ведь в определении поколения важно обращать внимание не только на даты рождения, но и на те исторические события, которые «связывают» отдельные личности в целое поколение, или, по словам К. Мангейма, «определенные образцы опыта и мысли», «участие в общей судьбе данной исторической и социальной общности». Немецкий социолог утверждал, что в каждом поколении может быть много разных секций (даже антагонистических), но «совместно они составляют „реальное“ поколение как раз потому, что ориентированы друг на друга, хотя бы даже в плоскости борьбы друг против друга» [Маннергейм, 2000: 26, 36, 40].

Обратим также внимание на выделение Ю. А. Левадой таких феноменов, как «ключевые» поколения, «разрывы» и конфликты между поколениями. В методологическом плане для нас важен и вывод М. Мид о «социальном бульдозировании» — расчистке молодежи почвы для будущего общества [Mead, 1970].

Цель статьи — выяснить, какое влияние на взаимоотношения поколений в сельской местности оказали в 1920-е гг. попытки коренным образом преобразовать крестьянский быт, внедряя новую обрядность. Учитываются достижения современной историографии, где получили свое отражение не только активная роль молодежи в антирелигиозной деятельности [Алексеев, 1992; Андиец, 2016; Билим, 2014; Яшина, 2011], некоторые аспекты молодежных преобразований быта [Асташов, 2022; Кулачков, 2022], но и их влияние на общественные настроения крестьянства [Козлов, 2010; Richard Stites Bolshevik Ritual Building in the 1920-s, 1991; Peris, 1998]. Прислушаемся к мнению Ф. Н. Козлова: «Юношеский максимализм приводил к радикальным реакциям на оказанное сверху „доверие“ и провоцировал в социуме не только противостояние по классово-сословным признакам, но и по возрастным группам» [Козлов, 2014: 75].

Помня о вполне устоявшейся в науке позиции, согласно которой «каждое общество, находящееся в условиях трансформации и модернизации, сталкивается с расколом между „старым“, консервативным поколением и „новым“, новаторским» [Чистякова, 2016: 99], мы все-таки заметим, что постепенно полярные гиперболизации в понимании конфликта поколений преодолеваются [Гайлит, 2012; Лисовский, 2002; Сидоров, 2013]. Феномен конфликта поколений все в большей степени воспринимается как принимающий в зависимости от конкретно-исторических условий конструктивную или деструктивную форму.

В качестве основных источников исследования используются публикации 1920-х гг., многие из которых долгое время находились на специальном хранении.

Споры об отношении к обрядам

Являвшаяся с начала 1920-х гг. одним из главных направлений комсомольской работы борьба с религией пропагандировалась прежде всего как метод преодоления куль-

турной отсталости масс. Неслучайно ее составной частью называли борьбу с «пережитками прошлого» в быту. А поскольку старики в бытовом отношении слишком консервативны, а в молодежь старые бытовые черты не вкоренились еще глубоко, то революция в быту, как говорил М. И. Калинин, «успешнее всего должна развиваться среди молодежи» [Калинин, 1969: 67–68]. Партийные лидеры на местах и вовсе заявляли, что «над стариками мы должны поставить крест, так как их все равно никакими методами не привлечь» [ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 102]. Крестьян поколения «революционного перелома» в это время можно назвать поколением среднего возраста, но и они вели себя более консервативно, чем молодежь, особенно комсомольская.

Среди коммунистической молодежи 1920-х гг. нашлось немало сторонников полного отказа от обрядовости. Данный подход ярко отражает частушка: «Если б не было нарядов, // Не было бы модников, /// Если б не было б обрядов, // Не было б угодников». В приверженности церковным обрядам комсомол однозначно осуждал антисанитарию, что также отразилось в песенном творчестве: «Вы напрасно, братие, // Лобзаете распятие: // От такой политики // Плодятся сифилитики». У некоторых крестьян если не сочувствие, то хотя бы сомнения вызывали призывы: «Если болел ты чахоткой, // Не гордись такой находкой, // А с микробом со своим // Не христосуйся с другим» [Арго, 1927].

Однако даже среди комсомольских активистов возобладала точка зрения, что без обрядов все же не обойтись. Иначе многие вынуждены будут просто выйти из комсомола, так как полный отказ от обрядовости в их семьях выглядел буквально катастрофой. Поэтому одной из основных составляющих «революции в быту» стали настойчивые попытки внедрения в сельский быт новых обрядов.

Сверхпопулярный в начале 1920-х гг. среди революционно настроенной молодежи Л. Д. Троцкий настаивал, что совсем без обрядов «новый мир» построить не удастся. Л. Д. Троцкий писал: «Поэтому кто говорит, что в бытовой работе никакой обрядности, понимая под обрядностью не церковные фокусы, а коллективные формы выражения своих чувств, настроений, — тот хватает через край. В борьбе со старым бытом он расшибет себе лоб, нос и другие необходимейшие органы» [Троцкий, 1924: 14].

По мнению писателя В. В. Вересаева, обряд не только «дает людям готовые, художественно-закрепленные русла для проявления теснящихся в душе чувств», но и «организует сами эти чувства, направляет, просветляет и углубляет их». В. В. Вересаев мечтал о замене разных для каждой религии обрядов унифицированными, характеризовал их как «светлые, утверждающие жизнь, полные веры в будущее» [Вересаев, 1926: 30].

Похороны по-новому

Мнения большинства крестьян и молодых безбожников по поводу проведения по-новому обрядов были, как правило, диаметрально противоположными. В частности, проведение похорон с участием церкви властью однозначно осуждалось. А многие крестьяне, наоборот, возмущались, недопущению священников на траурные церемонии. Стал расхожим вопрос-возмущение «Что же как собаку заруют в землю?». Частушка также запечатлела крестьянское недовольство: «Зарывали, хоронили, / И никто не плакал, / Потому что хоронили / По-советски с флагом» [Мурин, 1926: 33].

Когда все же сторонники новой власти поняли, что без почитания умерших не обойтись, похороны (как и свадьбы, псевдокрестины) стали напоминать митинги и собрания. Похоронная церемония, организуемая комсомольцами, как правило, представляла собой торжественное шествие за красным гробом с оркестром. На I съезде Союза безбожников один из выступающих приводил в пример похороны некоего комсомольца, после которых обыватели указывали, что в своей обрядности ВЛКСМ перещеголял православных [ГАРФ. Ф. 5407. Оп. 1. Д. 5. Л. 30]. Крестьян удивляли почетный караул, траурные речи, иногда напоминающие непонятные доклады, революционные песни. Как писал селькор, «Всё было для крестьян ново и ошеломляюще» [Алеко, 1924]. Нелучайно о гражданских похоронах даже «Безбожник у станка» писал: «Надо считаться с фактами: в деревне они, все-таки, редкость» [Еще о гражданских похоронах, 1923]. В селе Кульске поле похорон школьника с красными флагами и революционными песнями сельчане вопрошали: «...Примет ли его земля?» [Новый быт, 1925].

Власть не только сама агитировала за кремацию, но и настойчиво советовала делать это молодежи [Олещук, 1927; Цветков, 1926; Огненное погребение, 1927]. Крематорий позиционировался как часть индустриального советского проекта, торжество технического прогресса, атеизма, санитарии, экономии и эстетики. Журнал «Огонек», например, внушал: «Кремация — это гигиена и упрощение захоронения, это отвоевание земли от мертвых для живых...» [Малори, 1927: 14]. Был даже выдвинут лозунг: «Крематорий — кафедра безбожия». Для крестьян старших поколений все эти разговоры выглядели кощунственными, а чаще — просто непонятными.

Советский брак

Одним из любимых и наиболее значимых обрядов на селе традиционно считали свадьбу. Не только торжественная обстановка в церкви, но и песни, игры, пляски, обилие гостей позволяли чувствовать, что совершается что-то редко повторяющееся в жизни. Этнограф А. М. Большаков верно подметил: «Церковь одевает и рождение, и брак, и смерть в пышные одежды обрядности» [Большаков, 1927: 406–407].

А гражданские браки в большинстве своем были лишены торжественности, в соответствии со сложившимися традициями представителями старших крестьянских поколений вовсе браками и не считались. Равнодушие советских чиновников, проводивших брачную запись в некомфортной обстановке, и вовсе побуждало хотя бы в такой торжественный момент «поступиться принципами».

Чтобы сгладить недовольство в массах, коммунистические идеологи пытались сделать гражданский брак хотя бы более торжественным. В этих целях стали пропагандировать красные или комсомольские свадьбы.

Обычно на свадьбах комсомольцев произносились приветственные речи представителей партийных и советских органов, все вместе пели революционные песни. Положительно стоит оценить входившие в традицию обращения к новобрачным чувствовать ответственность перед детьми, начиная буквально с их здорового зачатия. Как правило, жених и невеста торжественно заявляли об отказе от религиозных традиций. Могли организовать сбор средств в помощь голодающим или зарубежным пролетариям. В качестве свадебных подарков использовались книги политического содержания, портреты вождей, красные банты и прочие революционные символы [Маслов, 1923]. От мно-

гих традиционных обрядовых действий отказывались демонстративно. В. В. Вересаев писал: «Не нужно колец на пальцы, они — звенья цепи, которою раньше сковывали мужа и жену» [Вересаев, 1926: 21]. В дальнейшем ношение обручальных колец связали с невежеством и мещанским семейным укладом [А. Р., 1930: 61].

Даже свадебные песни призваны были носить пропагандистский характер: «Сердце любит, сердце пляшет, // Сердце песенки поет, /// Брак церковный нас не свяжет, // Муж постылый не побьет. // Наши бабушки тужили // И страдали целый век/// Внучки крылья распустили, — // Стал свободным человек» [Волжский, 1927: 37].

Запись в загсе провозглашалась торжественным принятием крестьянским обществом «новой хозяйственной единицы, как члена созидательного союза трудящихся» [Марков, 1927: 33]. Этим обосновывалось обязательное исполнение в конце церемонии «Интернационала».

На «красной свадьбе» в селе Шумбут 7 января 1925 г. жених объявил, что пошел на проведение такой свадьбы против воли родителей. В докладе, входившем в праздничную программу, подчеркивалось, что «старое воспитание молодежи только способствовало к одурманиванию и затемнению» [Давыдов, 2011]. Любопытной деталью некоторых свадебных торжеств был показ сценок из реальной жизни. Нередко в них играли сами участники событий, показывая, как правило, «борьбу со старым», олицетворяемым приверженностью родителей религиозным обрядам [Табунщикова, 2015: 91]. Заметим также, что присутствие родителей и других близких родственников на «красных свадьбах» не считалось обязательным. Зафиксированы случаи, когда «почетными родителями» на свадьбах провозглашали известных революционеров. Порой почти дублировались церковные церемонии, но «венчал» молодых комсомольский вожак, а вместо икон красовались портреты советских вождей.

Слабые места старой свадьбы, по мнению многих коммунистических идеологов, были связаны со свадебными обрядами, указывающими в создаваемой семье на отношения подчиненности жены мужу, на подчинение молодоженов родителям. В комсомоле их старались искоренить.

В нарождавшейся традиции возвращающихся из загса новобрачных в принципе тоже планировалось встречать родителями. Но в избу сначала должны были войти новобрачные. А родители перед вручением ключей снохе «в знак полного доверия» должны были обсыпать новобрачных рожью в знак пожелания им довольства.

Среди комсомольцев популяризировали специально сочиненные частушки, оправдывающие брак без приданного. Например: «Капать слезы погодите // На мою на белу грудь, — // Комсомолку не стыдите, // Что «придано» не дают» [Марков, 1927: 47].

Крестьян же как раз раздражали отказы кланяться отцу и матери в ноги, показная демонстрация женского равноправия. Хозяйское мышление крестьян отказывалось понимать исключение из свадебной церемонии решений по приданому и прочим экономическим вопросам.

Красные крестины

Нельзя не заметить, что для привлечения к новой обрядности более широкого круга крестьян организаторы весьма широко использовали элементы обрядности старой. Те же красные свадьбы постепенно переходили из клубно-избаческой обстанов-

ки в частные дома. И наряду с чисто пропагандистскими элементами включали в себя модернизированные старые обряды. О старых традициях напоминали и коллективные имянаречения, замена крестных комсомольскими активистами или вожатыми. Даже красная звезда напоминала многим христианам о Вифлеемской звезде.

Название «октябрины» прижилось по отношению к обряду, заменившему процедуры приобщения младенца к религии, в большей степени, но применялись и другие: «крестины по-новому», «звездины», «краснины», «пролетарские именины», «красные крестины», «коммунистические крестины». Интересно, что на данной церемонии обычным было заявление матери: «Ребенок принадлежит мне только формально. Для духовного воспитания передаю его обществу» [Вересаев, 1926: 24]. Считалось, что октябрины стирают межнациональные грани.

Постепенно «новые крестины» приобретали характер «обряда посвящения в строителя коммунизма» с выбором имени для нового гражданина (часто — непривычного для крестьян: Атеист, Бастилий, Вилен, Вилорий, Вилорик, Виль, Владлен, Гертруд, Гудок, Декабрин, Декабрист, Идеи, Красноглав, Ким, Май, Маркс, Молот, Народосын, Новомир, Рэм, Серп, Спартак и др.) и молитвой на новый лад («Мы осеняем тебя не крестом и молитвой, наследием тьмы и рабства, а нашим красным знаменем борьбы и труда» [«Крестины» по новому, 1923]). Еще более непривычно звучали «революционные» женские имена: Алгебрина, Баррикада, Будена, Вилена, Вилора, Владилена, Даздраперма, Декабрина, Динэра, Идея, Ильина, Искра, Интерна, Красномира, Лена, Милиция, Нинель, Октябрина, Парижкомма, Рева, Ревмира, Роза, Свобода, Тракторина, Энгелина, Эра и др. Пропагандистские издания настойчиво объясняли смысл новых имен. Например, имя Серпина рекомендовалось «в напоминание о необходимости превращения селянки в равноправного члена крестьянской семьи, в действительную воспитательницу борцов за освобождение от всех видов эксплуатации человека человеком, о необходимости превращения селянки в сознательную строительницу бессловного, безгосударственного, безрелигиозного общества» [Сухоплюев, 1925: 25–26].

Подчас имена звучали более привычно, но имянаречение было посвящено «погибшим борцам за свободу», «героям революции» и др. Советская пропаганда подавала это как большое достижение: «Наречение новорожденным революционных имен, постоянно напоминающим и родителям и детям об Октябрьской Революции, об освобождении их от гнета и эксплуатации помещиков и капиталистов, о свержении царя земного и царя небесного, поддерживавших эксплуатацию во всех ее видах, — углубляет социалистическую революцию, распространяет ее на область быта, революционизирует быт» [Сухоплюев, 1925: 47–48].

Нередко использовался коллективный, при минимальном участии родителей, выбор имени путем голосования. Изданная в Туле брошюра рекомендовала: «При избрании имени новорожденного подлежит считаться с желанием обоих родителей, но руководящая и направляющая роль, дача разъяснений принадлежит комячейке (или профорганизации)» [Антирелигиозная пропаганда, 1926: 49].

Днем революционных именин по аналогии с христианством предлагалось сделать день смерти героя — наиболее известного носителя традиционного имени или персонажа события, в честь которого был назван новый «строитель коммунизма».

В то же время доходило и до присвоения «революционной», кардинально отличающейся от родительской, фамилии. Была даже придумана процедура «самооктябрение», в ходе которой осуществлялось коллективное изменение имен и фамилий [Данилевский, 1927: 4]. Правда, чаще всего новые имена как-то не приживались, через некоторое время про них забывали и вспоминали только с усмешками.

Многие свидетельства тех лет говорят о большом внимании крестьян к «новому крещению». Например, сообщалось о давке любопытных в воронежском селе Березово [Комсомол в деревне, 1926: 91]. На первых же октябринах в селе Тельменка Ново-николаевской губернии присутствовало более 200 человек (в основном — взрослых, из любопытства) [Голос народа, 1997: 172]. Наслушавшись бойких речей, многие выражали сомнение: действительно, не заразна ли купель при традиционном крещении?

Однако, проявляя внимание к подобным церемониям, крестьяне предпочитали, чтобы непосредственно в них члены их семей не участвовали. Если же все-таки присвоение новых имен состоялось внутри семьи, нередко это приводило к острым внутрисемейным конфликтам. Например, в селе Макуловке Свияжского района после того, как молодой отец назвал сына Пионером, дед долго плакал и умолял переименовать внука, а мать сходила к священнику и там дала ему имя Иван. В Больше-Шемякинской волости Буннского кантона на октябринах назвали мальчика Кимом, но вскоре мать окрестила его в церкви, где его назвали Михаилом [Маторин, 1929: 158]. В Орловской губернии с молодым отцом после «октябрин» полгода ругались все родственники, после чего он решил перекрестить ребенка, причем священник согласился после того, как парень в ногах у него повалился [Гончарова, 2010: 370]. На хуторе Островянском Орловской волости молодые родители назвали сына Марксом. Но после регистрации в исполкоме родные настояли окрестить ребенка в церкви. Священник же отказался крестить под таким именем, и по его предложению ребенка назвали Марком [Крещеный «Маркс», 1923]. В Воронежской губернии даже появилась поговорка: «Крестьянин октябрил, подарки получил, а потом у попа крестил» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 392. Л. 23]. Было немало случаев, когда комсомольцы и молодые коммунисты принародно обещали провести октябрины, а под влиянием семьи использовали традиционный обряд [Обещал Октябрины, 1924: 3].

Комсомольцев воодушевляло, а многих крестьян удивляло и возмущало, что подчас во время «октябрин» или «звездин» новорожденного зачисляли в пионеры или в комсомол, а иногда — сразу в несколько общественных организаций и устанавливали над ним их шефство. Для крестьян кощунством, например, выглядело прикрепление к пеленке комсомольского значка.

Заключение

С помощью коммунистической пропаганды обрядовая культура села постепенно трансформировалась. Но происходило это весьма медленно и специфически. В Ровенской слободе Воронежской губернии в 1919–1926 гг. только в 1,64% дворов были зафиксированы гражданские браки [Тарадин, 1926: 113]. За первый квартал 1927 г. в Тамбовской губернии зафиксировали 35 красных свадеб, 13 октябрин, 9 гражданских похорон [Безгин, 1998: 143]. В новых обрядах по-прежнему присутствовали элементы старых. Более того, даже сочувствующие власти крестьяне проявляли порой странное «двоеве-

рие». Доходило до того, что крестьяне интересовались у молодых безбожников, нельзя ли им достать крашенных яиц с портретами вождей и Пасху с буквами КИ (Коммунистический интернационал) [Соболева, 1961: 21].

В некоторых комсомольских организациях «октябрины» в сознании сельской молодежи прочно заменили крестины. Как раньше боялись смерти некрещеного младенца, так теперь старались быстрее новорожденного «прооктябрить». В. В. Вересаев рассказывал, что некоторые не видели большой разницы в «крестинах» и «октябринах». Логику обывателей он выразил следующим образом: «Тот ли, другой ли обряд, — все равно. Но дайте обряд!». С его точки зрения, в этом проявлялась «не беспринципность, тут в самом чистом, в самом наглядном виде обнаружилась великая потребность человека «припечатывать» обрядом торжественные моменты своей жизни» [Вересаев, 1926: 26]. М. Кольцов в фельетоне «Мое преступление» (1926 г.) рассказывал, как два брата-крестьянина из Вологодской губернии пришли «получить от него список безбожной советской литургии для умерших честных беспартийных крестьян. А также полный порядок красных октябрин и наименование революционных вождей для крестьянских младенцев на каждый день в году» [Кольцов, 1961: 305].

Но в целом говорить о внедрении новой обрядности в деревне было бы все-таки рано. Отчеты партийных и комсомольских организаций, как и документы Союза безбожников, чаще всего сообщали об отсутствии новых обрядов или их небольшом количестве. В комсомольских сводках больше говорилось не о комсомольских вечеринках, а об отрицательных сторонах комсомольского быта [ГАСПИТО Ф. П-1205. Оп. 1. Д. 842. Л. 46 об.; Д. 844. Л. 71–72; Д. 859. Л. 108; Д. 882. Л. 8]. ЦК ВЛКСМ в 1925 г. давал следующую оценку распространенности новых обрядов: «Среди комсомольцев они очень часты. Но среди взрослого населения принимают уродливые формы». Признавалось, что распространение новых обрядов среди беспартийной молодежи только усиливает антикомсомольские настроения крестьян [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 392. Л. 23].

В печати было много дискуссий о целесообразности создания новой обрядности. Знаток русской деревни А. М. Большаков отмечал, что рождение, смерть и брак крестьяне хотели бы отметить некоторой торжественностью, поэтому у новых обрядов были бы все шансы утвердиться, «если бы была надлежащим образом продумана обстановка этих актов» [Большаков, 1925: 195–196]. Писатель В. В. Вересаев, отвечая на стремления некоторых коммунистических идеологов совершенно избавиться от обрядов, про современную жизнь говорил, что «она вся цветет обрядами», хотя совершенно чужда религии [Вересаев, 1926: 5]. Великое значение обрядов В. В. Вересаев видел в облегчении проявления чувств, направлении их в определенное русло. В. А. Мурин сделал вывод: «Сейчас кажется, больше следует говорить не только о влиянии церкви и религии на молодежь, сколько о влиянии молодежи на церковь» [Мурин, 1926: 33].

В целом, внедрение новой обрядности хотя и не имело решающих успехов, проходило сравнительно мирно по сравнению с противостоянием поколений на других участках духовной сферы [Slezin, 2023; Слезин, 2023]. Однако не приходится отрицать, что и оно внесло свой определенный вклад в межпоколенческий разлом российской деревни, становившийся все более очевидным к концу 1920-х гг.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–18–00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- А. Р. Обручальные кольца // *Антирелигиозник*. 1930. № 7. С. 58–61.
- АЛЕКО. Комсомольские похороны // *Новь*. 1924. 11 апр.
- Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется?: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М. : Россия молодая, 1992. 304 с.
- Андриец У. М. В авангарде атеистического воспитания: к вопросу антирелигиозной деятельности дальневосточного комсомола в 1920-е гг. // *Инновационные технологии в области общественных наук*. Хабаровск, 2016. С. 5–10.
- Антирелигиозная пропаганда (Материалы по организации и пропаганде безбожия). Тула, 1925. 68 с.
- Арго. Антиобрядные частушки // *Синяя блуза*. 1927. № 53–54. С. 58.
- Асташов А. Б. Крестьянско-молодежный мир в эпоху «великого перелома» // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)*. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 9. С. 101–119.
- Безгин В. Б. Старый и новый быт в традиционной крестьянской культуре (советская доколхозная деревня) // *Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX — начало XX в.)*. Вып. 2. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1998. С. 136–154.
- Безгин В. Б., Якимов К. А. «Приказчики революции»: еврейская молодежь провинции в событиях Гражданской войны (на материалах Тамбовской губернии) // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 9. С. 301–319.
- Билим Н. Н. Комсомол и атеистическое воспитание молодежи в 1920-е годы (региональный аспект) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 3–2. С. 33–36.
- Большаков А. М. Деревня. 1917–1927. М. : Работник просвещения, 1927. 471 с.
- Большаков А. М. Советская деревня (1917–1925 гг.): экономика и быт. 2-е изд., доп. Л. : Прибой, 1925. 264 с.
- Вересаев В. В. Об обрядах старых и новых (к художественному оформлению быта). М. : Новая Москва, 1926. 34 с.
- Волжский А. Свадебная вечеринка. М. ; Л. : Молодая гвардия, 1927. 56 с.
- Вязинкин А. Ю. Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии // *Вопросы истории*. 2022. № 7–2. С. 153–165.
- Гайлит О. Религия в «молодом» обществе: заметки о становлении советской повседневности // *Антропологический форум*. 2012. № 16. С. 288–308.
- Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М. : РОССПЭН, 1997. 323 с.
- Гончарова И. В. Крестьянская повседневность Центрального Черноземья в 1920-х гг. // *Диалог со временем*. 2010. № 30. С. 362–371.

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5407. Оп. 1. Д. 5. Л. 30.
- Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-1205. Оп. 1. Д. 842. Л. 46 об.; Д. 844. Л. 71–72; Д. 859. Л. 108; Д. 882. Л. 8.
- Давыдов Д. Красная комсомольская свадьба 1920-х гг. // Эхо веков. 2011. № 1–2. С. 283–285.
- Данилевский М. Праздники общественного быта. Торжественное заседание, октябрины, годовщины // Организация, методика, практика. М. : Долой неграмотность, 1927. С. 3–12.
- Еще о гражданских похоронах // Безбожник у станка. 1923. № 6. С. 19.
- Ипполитов В. А. Влияние голода 1924–1925 годов на общественно-политические настроения крестьянства в Тамбовской губернии // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 2. С. 336–362.
- Калинин М. И. О молодёжи. Избранные статьи и речи. М. : Молодая гвардия, 1969. 400 с.
- Козлов Ф. Н. Антирелигиозная пропаганда в Чувашии в начале 1920-х гг. // Эхо веков. 2010. № 3–4. С. 301–306.
- Козлов Ф. Н. Молодежные реакции на инновационный концепт советского безбожия: Историко-психологический аспект // PolitBook. 2014. № 3. С. 68–79.
- Кольцов М. Е. Фельетоны и очерки. М. : Гослитиздат, 1961. 407 с.
- Комсомол в деревне: очерки / под ред. В. Г. Тана-Богораза. М. ; Л. : Госиздат, 1926. 202 с.
- «Крестины» по новому // Советская Сибирь. 1923. 9 окт.
- Крещенный «Маркс» // Донской пахарь. 1923. 16 окт.
- Кулачков В. В. Социокультурные аспекты развития крестьянства в 1920-е гг.: на материалах западных губерний Европейской России. Брянск : Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2022. 258 с.
- Левада Ю. А. Поколения XX века: Возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 7–14.
- Лисовский В. Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 111–116.
- Маллори Д. Огненные похороны // Огонек. 1927. № 50. С. 14.
- Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений — состоятельность — экономические амбиции. М. : ИНИОН РАН, 2000. 162 с.
- Марков В. Д. Красная свадьба в деревне. М. : Долой неграмотность, 1927. 48 с.
- Маслов А. Комсомольская свадьба // Призыв. 1923. 5 дек.
- Маторин Н. М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь: язычество — ислам — православие — сектантство. М. : Безбожник, 1929. 174 с.
- Мурин В. А. Быт и нравы деревенской молодежи. М. : Новая Москва, 1926. 158 с.
- Новый быт // Бурят-Монгольская правда. 1925. 14 апр.
- Обещал Октябрины, а сделал крестины // Голос Молодежи. 1924. 8 окт.
- Огненное погребение // Пионерская правда. 1927. 22 июля.
- Олещук Ф. Огненное погребение // Безбожник. 1927. № 15. С. 2–4.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 23. Д. 392. Л. 23.

Сидоров Е. С. Конфликт поколений в контексте процесса развития культуры и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2. С. 175–178.

Слезин А. А. Межпоколенческий разлом российской деревни: влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920–1930-х годов // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 3. С. 446–477.

Соболева А. Н. «Осовечивание» религиозных праздников в 1920-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования внутренней Азии. 2019. № 3. С. 19–25.

Сухопляев Ив. Октябрины. М. : Госиздат Украины, 1925. 50 с.

Табунщикова Л. В. «Красная обрядность» на территории Донобласти в 1923–1924 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской православной церкви. 2015. № 6. С. 85–94.

Тарадин И. Слобода Ровеньки. Воронеж: Воронежское краевед. об-во, 1926. 171 с.

Троцкий Л. О задачах деревенской молодежи. О новом быте. М. : Новая Москва, 1924. 22 с.

Цветков В. С. Огненное погребение // Безбожник. 1926. № 6. С. 8–9.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 102.

Чистякова Д. П. Типологизация поколений по Ю. Леваде: социолого-культурологический аспект // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 9. С. 99–103.

Яшина М. А. Антирелигиозное образование и воспитание в СССР в 1920-е годы: уроки истории и современность // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. № 3. С. 201–208.

Mead M. Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap. N. Y., 1970.

Peris D. Storming the Heavens. Ithaca and London: Cornell university Press, 1998.

Stites R. Bolshevik Ritual Building in the 1920-s // Russia in the era of NEP. Explorations in the Soviet Society and Culture / Ed. by Sh. Fitzpatrick, A. Rabinovich, R. Stites. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1991.

Slezin A. A. Opposition of Peasants and Komsomol Members in the Spiritual Sphere of the Russian Village in the Early 1920-s // Agrarian History. 2023. No. 13. P. 22–42

REFERENCES

A. R. Obruchal'nye kol'ca [Wedding rings]. *Antireligioznik* [Antireligious]. 1930, no. 7, pp. 58–61 (in Russian).

ALEKO. Komsomol'skie pohorony [Komsomol funeral]. *Nov'* [New]. April 11, 1924 (in Russian).

Alekseev V. A. "Shturm nebes" otmenyaetsya?: *Kriticheskie ocherki po istorii bor'by s religiej v SSSR* [Is Storming Heaven Canceled?: Critical Essays on the History of the Struggle against Religion in the USSR]. Moscow: Rossiya molodaya, 1992, 304 p. (in Russian)

Andriec U. M. V avangarde ateisticheskogo vospitaniya: k voprosu antireligioznoj deyatel'nosti dal'nevostochnogo komsomola v 1920-e gg [At the forefront of atheistic

education: on the issue of anti-religious activities of the Far Eastern Komsomol in the 1920s]. *Innovacionnyye tekhnologii v oblasti obshchestvennykh nauk* [Innovative technologies in the field of social sciences]. Khabarovsk, 2016, pp. 5–10 (in Russian).

Antireligioznaya propaganda (Materialy po organizacii i propagande bezbozhiya) [Anti-religious propaganda (Materials on the organization and propaganda of atheism)]. Tula, 1925, 68 p. (in Russian)

Argo. Antiobryadnye chastushki [Anti-ritual ditties]. *Sinyaya bluza* [Blue blouse]. 1927, no. 53–54, p. 58 (in Russian).

Astashov A. B. Krest'yansko-molodezhnyj mir v epohu “velikogo pereloma” [Peasant and youth world in the era of the “great turning point”]. *Vestnik RGGU. Seriya “Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya”* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series “Literary criticism. Linguistics. Culturology”]. 2022, no. 9, pp. 101–119 (in Russian).

Bezgin V. B. Staryj i novyj byt v tradicionnoj krest'yanskoj kul'ture (sovetskaya dokolhoznaya derevnya) [Old and new way of life in traditional peasant culture (Soviet pre-kolkhoz village)]. *Tambovskoe krest'yanstvo: ot kapitalizma k socializmu (vtoraya polovina XIX — nachalo HKH v.): sbornik nauchnykh statej* [Tambov peasantry: from capitalism to socialism (second half of the 19th — early 20th centuries): collection of scientific articles]. Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 1998, no. 2, pp. 136–154 (in Russian).

Bezgin V. B., Yakimov K. A. “Prikazchiki revolyucii”: evrejskaya molodezh' provincii v sobytiyah Grazhdanskoj vojny (na materialah Tambovskoj gubernii) [“The clerks of the revolution”: the Jewish youth of the province in the events of the Civil War (based on the materials of the Tambov province)]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue]. 2022, Vol. 11 (9), pp. 301–319 (in Russian).

Bilim N. N. Komsomol i ateisticheskoe vospitanie molodezhi v 1920-e gody (regional'nyj aspekt) [Komsomol and atheistic education of youth in the 1920s (regional aspect)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. 2014, no. 3–2, pp. 33–36 (in Russian).

Bol'shakov A. M. *Derevnya. 1917–1927* [Village. 1917–1927]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya, 1927, 471 p. (in Russian).

Bol'shakov A. M. *Sovetskaya derevnya (1917–1925 gg.): ekonomika i byt* [Soviet village (1917–1925): economy and life]. 2-nd ed., suppl. Leningrad: Priboj, 1925. 264 p. (in Russian).

Cvetkov V. S. Ognennoe pogrebenie [Fiery burial]. *Bezbozhnik* [Atheist]. 1926, no. 6, pp. 8–9 (in Russian).

Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti (CDNIRO) [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region]. F. 4. Op. 1. D. 4. L. 102 (in Russian).

CHistyakova D. P. Tipologizaciya pokolenij po Yu. Levade: sociologo-kul'turologicheskij aspekt [Typology of generations according to Yu. Levada: sociological and cultural aspect]. *Social'no-ekonomicheskie issledovaniya, gumanitarnye nauki i yurisprudenciya: teoriya i praktika* [Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University]. 2016, no. 9, pp. 99–103 (in Russian).

Gajlit O. Religiya v “molodom” obshchestve: zametki o stanovlenii sovetskoj povsednevnosti [Religion in the “young” society: notes on the formation of Soviet everyday

life]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum]. 2012, no. 16, pp. 288–308 (in Russian).

Golos naroda. Pis'ma i otkliki ryadovyh sovetskikh grazhdan o sobytyyah 1918–1932 gg [The voice of the people. Letters and responses from ordinary Soviet citizens about the events of 1918–1932]. M.: ROSSPEN, 1997. 323 p. (in Russian)

Goncharova I. V. Krest'yanskaya povsednevnost' Central'nogo Chernozem'ya v 1920-h gg [Peasant everyday life of the Central Chernozem region in the 1920s]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. 2010, no. 30, pp. 362–371 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 5407. Op. 1. D. 5. L. 30 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tambovskoj oblasti (GASBITO) [State Archive of the Socio-Political History of the Tambov Region]. F. P-1205. Op. 1. D. 842. L. 46 ob.; D. 844. L. 71–72; D. 859. L. 108; D. 882. L. 8 (in Russian).

Davydov D. Krasnaya komsomol'skaya svad'ba 1920-h gg [Red Komsomol wedding of the 1920s]. *Ekho vekov* [Echo of centuries]. 2011, no. 1–2, pp. 283–285 (in Russian).

Danilevskij M. Prazdniki obshchestvennogo byta. Torzhestvennoe zasedanie, oktyabriny, godovshchiny [Holidays of public life. Solemn meeting, October, anniversaries]. *Organizaciya, metodika, praktika. "Doloi negramotnost'"* [Organization, methodology, practice. "Down with illiteracy"]. Moscow, 1927, pp. 3–12 (in Russian).

Eshche o grazhdanskikh pohoronah [More about civil funeral]. *Bezbozhnik u stanka* [Atheist at the bench]. 1923, no. 6, pp. 19 (in Russian).

Ippolitov V. A. Vliyanie goloda 1924–1925 godov na obshchestvenno-politicheskie nastroyeniya krest'yanstva v Tambovskoj gubernii [The influence of the famine of 1924–1925 on the socio-political mood of the peasantry in the Tambov province]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue]. 2023, nol. 12, no. 2, pp. 336–362 (in Russian).

Kalinin M. I. *O molodyozhi. Izbrannye stat'i i rechi* [About youth. Selected articles and speeches]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1969, 400 p. (in Russian)

Kozlov F. N. Antireligioznaya propaganda v Chuvashii v nachale 1920-h gg [Anti-religious propaganda in Chuvashia in the early 1920s]. *Ekho vekov* [Echo of centuries]. 2010, no. 3–4, pp. 301–306 (in Russian).

Kozlov F. N. Molodezhnye reakcii na innovacionnyj koncept sovetskogo bezbozhiya: Istoriko-psihologicheskij aspekt [Youth reactions to the innovative concept of Soviet godlessness: Historical and psychological aspect]. *PolitBook* [PolitBook]. 2014, no. 3, pp. 68–79 (in Russian).

Kol'cov M. E. *Fel'etony i ocherki* [Feuilletons and essays]. Moscow: Goslitizdat, 1961, 407 p. (in Russian)

Komsomol v derevne: Ocherki [Komsomol in the countryside: Essays]. Ed. V. G. Tana-Bogoraza. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1926, 202 p. (in Russian)

“Krestiny” po novomu [“Christening” in a new way]. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. October 9, 1923 (in Russian).

Kreshchennyj “Marks” [Baptized “Marx”]. *Donskoj pahar'* [Donskoy plowman]. October 16, 1923 (in Russian).

Kulachkov V. V. *Sociokul'turnye aspekty razvitiya krest'yanstva v 1920-e gg.: na materialah zapadnyh gubernij Evropejskoj Rossii* [Sociocultural Aspects of the Development

of the Peasantry in the 1920s: Based on the Materials of the Western Provinces of European Russia]. Bryansk: Bryanskij gosudarstvennyj inzhenerno-tekhnologicheskij universitet, 2022, 258 p. (in Russian)

Levada Yu. A. Pokoleniya XX veka: Vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the 20th century: Research opportunities]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social changes]. 2001, no. 5, pp. 7–14 (in Russian).

Lisovskij V. T. “Otcy” i “deti”: za dialog v otnosheniyah [“Fathers” and “children”: for dialogue in relations]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2002, no. 7, pp. 111–116 (in Russian).

Mallori D. Ognennye pohorony [Fiery funeral]. *Ogonek* [Fier]. 1927, no. 50, p. 14 (in Russian).

Mangejm K. *Ocherki sociologii znaniya: Problema pokolenij — sostyazatel'nost' — ekonomicheskie ambicii* [Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations — competitiveness — economic ambitions]. Moscow: INION RAN, 2000, 162 p. (in Russian)

Markov V. D. *Krasnaya svad'ba v derevne* [Red wedding in the village]. Moscow: Doloj negramotnost', 1927, 48 p. (in Russian)

Maslov A. Komsomol'skaya svad'ba [Komsomol wedding]. *Prizyv* [Appeal]. December 5, 1923 (in Russian).

Matorin N. M. *Religiya u narodov Volzhsko-Kamskogo kraya prezhde i teper': yazychestvo-islam-pravoslavie-sektantstvo* [Religion among the peoples of the Volga-Kama region before and now: paganism-Islam-Orthodoxy-sectarianism]. Moscow: Akc. izd. o-vo “Bezbozhnik”, 1929, 174 p. (in Russian)

Murin V. A. *Byt i nnavy derevenskoj molodezhi* [Life and customs of rural youth]. Moscow: Novaya Moskva, 1926, 158 p. (in Russian)

Novyj byt [New life]. *Buryat-Mongol'skaya Pravda* [Buryat-Mongolian truth]. April 14, 1925 (in Russian).

Obeshchal Oktyabriny, a sdela krestiny [Promised Oktyabrins, but made christenings]. *Golos Molodezhi* [Voice of Youth]. October 8, 1924 (in Russian).

Ognennoe pogrebenie [Fiery burial]. *Pionerskaya Pravda* [Pionerskaya Pravda]. July 22, 1927 (in Russian).

Oleshchuk F. Ognennoe pogrebenie [Fire burial]. *Bezbozhnik* [Atheist]. 1927, no. 15, pp. 2–4 (in Russian).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. M — 1. Op. 23. D. 392. L. 23 (in Russian).

Sidorov E. S. Konflikt pokolenij v kontekste processa razvitiya kul'tury i obshchestva [The conflict of generations in the context of the process of development of culture and society]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. 2013, no. 2, pp. 175–178 (in Russian).

Slezin A. A. Mezhpokolencheskij razlom rossijskoj derevni: vliyanie “antireligioznogo nastupleniya” kommunisticheskoy molodezhi na rubezhe 1920–1930-h godov [Intergenerational rupture in the Russian village: the impact of the “anti-religious offensive” of communist youth

at the turn of the 1920–1930s]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue]. 2023, vol. 12 (3), pp. 446–477 (in Russian).

Soboleva A. N. “Osovechivanie” religioznyh prazdnikov v 1920-e gg [“Contemplation” of religious holidays in the 1920s]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya vnutrennej Azii* [Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian Studies of Inner Asia]. 2019, no. 3, pp. 19–25 (in Russian).

Suhoplyayev Iv. *Oktyabriny* [Oktyabrins]. Moscow: Gosizdat Ukrainy, 1925, 50 p. (in Russian)

Tabunshchikova L. V. “Krasnaya obryadnost” na territorii Donoblasti v 1923–1924 gg. [“Red ritualism” on the territory of Donoblast in 1923–1924]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church]. 2015, no. 6, pp. 85–94 (in Russian).

Taradin I. *Sloboda Roven'ki* [Sloboda Rovenky]. Voronezh: Voronezhskoe kraeved. o-vo, 1926, 171 p. (in Russian)

Trockij L. *O zadachah derevenskoj molodezhi. O novom byte* [On the tasks of rural youth. About a new life]. Moscow: Novaya Moskva, 1924, 22 p. (in Russian)

Yashina M. A. Antireligioznye obrazovanie i vospitanie v SSSR v 1920-e gody: uroki istorii i sovremennost' [Anti-religious education and upbringing in the USSR in the 1920s: lessons of history and modernity]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University]. 2011, no. 3, pp. 201–208 (in Russian).

Veresaev V. V. *Ob obryadah staryh i novyh (k hudozhestvennomu oformleniyu byta)* [On rituals old and new (to the artistic design of everyday life)]. Moscow: Novaya Moskva, 1926, 34 p. (in Russian)

Volzhskij A. *Svadebnaya vecherinka* [Wedding party]. Moscow; Leningrad: Molodaya gvardiya, 1927, 56 s. (in Russian)

Vyazinkin A. Yu. Pokolenie “revolyucionnogo pereloma” v sud'be russkoj derevni pervoj treti XX v.: problemy istoriografii [Generation of “revolutionary break” in the fate of the Russian village in the first third of the XX century: problems of historiography]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2022, no. 7–2, pp. 153–165 (in Russian).

Mead M. *Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap*. N. Y., 1970 (in English).

Peris D. *Storming the Heavens*. Ithaca and London: Cornell university Press, 1998 (in English).

Stites R. Bolshevik Ritual Building in the 1920-s. *Russia in the era of NEP. Explorations in the Soviet Society and Culture*. Ed. by Sh. Fitzpatrick, A. Rabinovich, R. Stites. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1991 (in English).

Slezin A. A. Opposition of Peasants and Komsomol Members in the Spiritual Sphere of the Russian Village in the Early 1920-s. *Agrarian History*. 2023, no. 13, pp. 22–42 (in English).

Статья поступила в редакцию: 09.05.2023

Принята к публикации: 27.10.2023

Дата публикации: 12.12.2023